

И.Ильин

КРИЗИС БЕЗБОЖИЯ

Первая глава лекции, прочитанной И.А. Ильиным в Риге 11 октября 1935 года.

Историческое время, выпавшее нам на долю, исполнено великого и глубокого значения: это эпоха чрезвычайной насыщенности, напряженности, эпоха крушения, подводящего итоги большому историческому периоду; это время испытания: совершается как бы некий исторический и духовный смотр, жизненная ревизия человеческих духовных сил, укладов и путей. Так, как если бы некий великий судья сказал современному человечеству: "Вот, я поупущу силам зла и соблазна, силам испытующим и совращающим; и они развернут учение свое и строительство свое, а ты - им в ответ откроешь душу свою и покажешь лицо свое; и будет великий суд над ними по делам и плодам их; и над тобою по исповеданию и противлению твоему". И вот, согласно этому, неслышно изрекшему, но столь остро внятному нам в событиях гласу, наше время развернуло перед нами сразу: величайший подъем воинствующего безбожия и строжайший суд над выношенной человечеством за последние века и тысячелетия религиозностью. А если охватить весь процесс сразу единым выражением, то перед нами развернется единственный в своем роде кризис безбожия. Слово кризис есть первоначально слово греческое. Оно происходит от "крино", что значит "сужу". Кризис обозначает такое состояние человека, его души или тела, или дел и событий, в котором выступают скрытые силы и склонности; они развиваются, развертываются, осуществляют себя, достигают своего максимального напряжения и проявления, своей высоты и полноты и тем самым обнаруживают свою настоящую природу: они как бы произносят сами над собою суд и переживают поворотный пункт; это их перелом, перевал; час, в который решается их жизненная судьба; это время их буйного расцвета, за которым начнется или их преодоление и крушение, или же умирание того человека или того человеческого дела, которое было достигнуто кризисом. Вот что я хочу сказать, говоря о кризисе безбожия. Как бы ни были тягостны для каждого из нас события, вызванные этим кризисом, мы не должны ни растериваться под их ударами, ни предаваться духовной слепоте. Рады мы или не рады, но родились в такую эпоху и что кинуты всевластной рукою в этот омут испытаний и опасностей, мы призваны быть участницами, не просто пассивными жертвами, объектами, но активными участниками, волевыми субъектами этого процесса. А для этого мы должны понять, в чем состоит глубокий смысл

нашего исторического положения; чего требует и ждет от нас Судия, вызвавший нас на суд; какие силы имеются у нас и как нам с ними быть и обходиться; и как нам приложить их к тому историческому делу, участниками коего мы оказались. Мы должны понять смысл мировых событий. Уразуметь, что смысл их выражается этими двумя словами, кризис безбожия. И решить, какое место мы призваны занять в этом развертывающемся перед нами процессе; где во всемирном масштабе выступили скрытые доселе силы безбожия; где они развернулись и достигли небывалой еще высоты, полноты, откровенности и напора, где они впервые обнажили свою настоящую природу, и вот на наших глазах как бы произносят сами над собою суд, решая свою судьбу, а вместе с тем и судьбу всего человечества. Видим ли мы это? Разумеет ли эти события? И если видим и разумеет, то где мы сами сердцем и волею? И прежде всего в самом протекании этого кризиса нет ли таких явлений и признаков, по которым мы могли бы предвидеть его исход? В чем состоит этот кризис? Если мы вдумчиво вслушиваемся в то, что говорят современные отрицатели Бога, то увидим, что их позицию можно свести к двум пунктам: I. Нет никакого основания признавать бытие Бога: II. Вера в Бога не только неосновательна и ненужна, но еще и жизненно вредна. Все остальное, что они говорят, сводится именно к этим двум пунктам, к их развитию и детализации. Одни высказывают это в благовоспитанной форме салонного скептицизма; другие в неделикатной форме иронической насмешки, третьи в агрессивной форме револьверного выстрела или динамитного взрыва. Но все имеют в виду именно эти два тезиса: вера в Бога есть неосновательное суеверие, предрассудок или лицемерие; вера в Бога вредна человечеству (или пролетариату), задерживая его прогрессивное развитие (или его классовую борьбу за водворение социализма или коммунизма). Или еще проще, грубее и яснее: верить в Бога глупо, верить в Бога вредно. Эти утверждения можно затаить в себе, как свое личное, частное воззрение, как делали в XIX веке многие русские интеллигенты из вольтеррианцев; тогда эти тезисы подчас видоизменялись, например: верить в Бога глупо, а умному человеку и вредно; но широкой массе, которая глупа, это глупое занятие может быть даже полезно, чтобы она смирялась, не зверела и послушно работала. Современная мировая революция не могла и не захотела принять эту последнюю оговорку: ее тезис прямолинейнее и последовательнее: верить в Бога глупо и вредно для всякого человека; особенно же для массы, ибо она как раз и не должна ни смиряться, ни покорно работать. Масса призвана к восстанию ей особенно глупо и особенно вредно верить в Бога; ей необходимо безбожие; нечего ждать, пока она сама потеряет веру, безбожие должно быть ей навязано в порядке государственной диктатуры аргументом, воспитанием, подачками, истреблением духовенства, разрушением церквей, террором. Разногласия среди безбожников имеются, их

нельзя замолчать. Но основная мысль одна: глупо и вредно. И вот кризис современной безбожия состоит в том, что люди обречены изжить до конца, до дна, дотла эти утверждения о глупости и вредности веры в Бога. Вжить их в жизнь в культуру, в нравственность, в политику, в хозяйство, в строй семьи, в педагогику, в дипломатию, в науку; внести их содержание во все углы и закоулки человеческой цивилизации, заставляя ее обновиться и переродиться под воздействием этой новой "премудрости". И на деле, на последствиях этого перерождения убедиться и доказать в какой духовной темноте пребывало доселе человечество и особенно так называемое "буржуазное" человечество. Ну что же? Мы слышали этот двойной тезис: "глупо" и "вредно". Позиция вычерчена. Формула дана. Вызов брошен. От нас ждут ответа. Определенного, ясного, честного. Нет, этого мало. Мы должны дать ответ не только ясный и честный, но еще объясняющий и убедительный. Мы должны объяснить, как это случилось, что люди дошли до такой, скажем, "премудрости"; объяснить себе самим и грядущим поколениям, и им, этим просветителям вселенной, которые уверяют всех, что несут людям высшее мирозерцание и общественное освобождение. И затем мы должны дать ответ убедительный т. е. доказать, что веровать в Бога не глупо и не вредно, и доказать, что, наоборот, именно безбожие есть дело глупейшее и вреднейшее из всех, затеваемых человечеством. Мы понимаем, что можно не иметь веры или утратить ее; и это не глупость, а несчастье; и этому несчастью можно и должно помочь. Но безбожие как правило жизни и программа жизни как план прогресса, счастья, жизнеустроения

есть жалчайшая из глупостей и погубительнейшая из вредностей, посещавших человеческую голову. Итак, за дело. Объясним, как могло это случиться, что в XX веке после Рождества Христова люди начали вопить на весь мир о глупости и вредности веры в Бога? Историческое освещение этого процесса потребовало бы большого исследования, которое не может уместиться в рамки одной лекции. Но сущность дела сводится к следующему.

За последние века человечество оскудело внутренним, духовным опытом и прилепилось к внешнему чувственному опыту; сначала верхние, ученые слои утвердились на том, что самое достоверное, драгоценное знание идет к нам от внешних, материальных вещей и приходит к нам через зрение, слух, осязание, обоняние и через их физическую или механическую проверку измерением (вес и объем), подсчетом, количеством и формальным, логическим рассуждением, а потом, так как добытые таким путем сведения о материальной природе совершили огромные технические и хозяйственные перевороты и вовлекли в них широкие слои интеллигенции и полуинтеллигенции, то эта обращенность к чувственному,

внешнему, материальному опыту и эта отвращенность от нечувственного, внутреннего, духовного опыта определили собою душевный и умственный уклад современного человечества. Верхние слои мировой интеллигенции стали постепенно понимать, что это ошибка и ложный путь, но и то лишь отчасти, а средние слои - поставляющие учителей безбожия, и полуинтеллигенция поставляющая учеников безбожия укрепились в этом укладе с увлечением и даже ожесточением. Демократический строй дал прессу, влияние и власть именно этим слоям и все оказалось predetermined. Но это лишь поверхностная сторона процесса. Нам надо смотреть глубже. Торжество чувственного, внешнематериального опыта над внутренним и духовным опытом привело к тому, что люди обратились к религии и к Богу с чувственными мерилami и материальным пониманием. И результат этого только и мог быть отрицательным. Всего точнее это можно было бы выразить так, что человек попытался воспринять Бога неверным актом и не обрел Его; и не обрета Его неверным актом, объявил, что Его нет и что верить в Него глупо и вредно. Я попытаюсь сейчас разъяснить мою мысль до конца. Тот, кто хочет увидеть картину, должен смотреть глазами. Нелепо - завязать глаза черным платком, прийти в картинную галерею, не услышать ни одной картины и уйти, заявляя, что все это обман или иллюзия и суеверие, ибо никаких картин нет. Тот, кто хочет услышать сонату Бетховена, должен слушать ушами. Нелепо залить себе уши воском, прийти в концерт, не увидеть глазами звуков сонаты и уйти, заявляя, что это все иллюзии или обман, ибо никакой сонаты не было и нет. Тот, кто захочет исследовать природу логического понятия и вооружится для этого колбой, пинцетом, ланцетом и микроскопом, сделает нелепость и, потерпев явную неудачу, не будет иметь никакого права говорить, что логика есть вздор или беспредметное суеверие. Это я и выражаю словами: предметы, воспринимаемые человеком, различны, и каждый предмет требует от человека особого восприятия, другого подхода, другой установки верного акта. У человека в распоряжении имеются: а) во-первых, зрение, слух, вкус, обоняние, осязание и следующее за ними чувственное воображение; с этими способностями связаны телесные ощущения боли, наслаждения, голода, холода, тепла, тяжести; все это источники внешнего, чувственного опыта, который присущ телесному человеку и открывает ему доступ к материальным вещам внешнего мира; б) во-вторых, у человека имеются внутренние, душевные силы и способности, а именно: чувствования, воля, телесно не связанное воображение и мысль. Итак: чувствование (так называемая "жизнь сердца") пассивно страдающее чувствование аффекты и активно изливающиеся чувства - эмоции (таковы любовь, ненависть, жалость, злоба, зависть, радость, печаль, негодование, покаяние и т. д.); далее, воля то способность решать, собирать свои внутренние силы,

направлять их, руководить ими, воспринимать свои полномочия, обязанности и запретности и строить жизнь души и тела. Человеку дана еще способность воображать содержание и предметы не вещественного характера, и притом воображать их то верно, то неверно. К таким предметам не вещественного порядка относятся мир человеческой души и мир духовного смысла, мир добра, зла, греха и нравственного совершенства, мир божественного откровения, религии и таинств. Все это человек переживает нечувственным воображением, созерцанием, духовной интуицией, и эта духовная интуиция отнюдь не есть что-то случайное, произвольное или чисто субъективное, напротив, она требует большой внутренней сосредоточенности, упражнения, очищения, планомерного и систематического осуществления. Наконец, человеку дана сила мысли, и эта мысль может осуществляться совсем не только в формах отвлеченного, плоского, формального рассудка; нет, она имеет еще и форму разума не только не противоречащего вере, сердцу и духовной интуиции, но творчески сочетающегося с ними и вдохновенно проникающегося их силами. Все это составляет огромную и богатую сферу внутреннего, духовного опыта, который характерен для душевно-духовного человеческого естества и открывает ему доступ к духовным предметам. Так раскрывается перед нами закон человеческого опыта, некая основная истина, согласно которой человек способен опытно воспринять предмет только тогда, если он обратится к нему верно, верным органом тела или души, или же и тела, и души вместе, или же духа т.е., как мы выражаем это философски, верным актом. Юрист, воспринимающий и изучающий право, должен обратиться к нему духовною волею и нечувственным воображением. Геометр, воспринимающий чистые протяженные фигуры, должен обратиться к ним особым созерцанием чистой протяженности и аналитической мыслью. И так всегда и во всем: особый акт у скульптора, особый у музыканта, особый у геолога и особый у психолога. Каждому предмету соответствует особый акт верного склада и строения. Неверный акт не воспримет предмета вовсе. Но в каком же неосновательном, непозволительном, глупом положении будет тот, кто попытается воспринять предмет неверным актом и, потерпев неудачу, начнет утверждать, провозглашать, вопить, что такого предмета вовсе нет, что говорить о нем можно только из глупости или от лицемерия?! И вот именно в таком непозволительном положении находятся безбожники. Смотрите. Когда они говорят: "Где Бог? Покажите нам Бога! Ему нет места ни на земле, ни в звездном пространстве! Где он находится? Для него нет места". И когда мы не можем дать им ответа на этот нелепый и духовно безграмотный вопрос, а они, видя наше затруднение, начинают торжествовать и отрицать бытие Божие, говоря, по меткой и точной формуле Шмелева, это "все предрассудки брошены, небо раскрыто и протокол составлен, что кроме звездной

туманности ничего подозрительного не найдено" ("На Пеньках", стр. 105), то поистине торжествуют они преждевременно и сослепу. Бог не есть материальная вещь, находящаяся в пространстве; и человек, который не может или не хочет воспринять что-нибудь другое, который не понимает, что есть непротяженные реальности, непространственное бытие, нематериальные предметы; человек, который на все замахивается вопросом "где это находится?", который желает все видеть телесным глазом, осязать пинцетом или определять химической формулой, который желает - "все похерити, что не можно ни извесить, ни смерити"(1),-

этот человек подобен тому существу, которое не знало, откуда берутся желуди, и не знало именно потому, что не умело поднять вверх своей головы или, по нашей терминологии, не умело изменить свой восприемлющий акт. Смотрящий в землю не увидит звезд. Прилепившийся к внешнему опыту не увидит реальностей внутреннего опыта. Человек, лишенный творческого воображения, ничего не создаст в искусстве. Человек, подавивший в себе совесть, не отличит добра от зла: ибо совесть есть верный орган, верный акт восприятия этих предметов. Безвольный человек не может править государством. Человек, искоренивший в себе или растливший в себе духовное, не воспримет Бога.

Если представим себе на миг букашку о двух измерениях, имеющую длину и ширину, но не имеющую третьего измерения высоты и заключенную в очерченный круг, то увидим, что она не только не в состоянии выползти из этого круга, но что она и представить себе не может, какие бывают существа трех измерений. Дайте ей воображающий акт трехмерного строения и она поймет, в чем дело; дайте ей самой измерение высоты и она сама не поймет, перед чем она доселе затруднялась. А если она, двумерное существо, пропадая в кругу от своей двумерности, издевалась над нами, трехмерными наблюдателями, и самодовольно праздновала свой мнимый ум и нашу мнимую глупость, то, став трехмерной, она, пожалуй, так сконфузится за свое прошлое поведение, что от стыда опять залезет в свой заклятый двумерный круг. Ибо она поймет, что на самом деле было "глупо" и "вредно". Однако нам гораздо важнее, чтобы мы сами постигли позицию безбожника. Ибо, если безбожник в заблуждении и нам надо его опровергнуть и обличить, то мы должны прежде всего уловить, что происходит в его душе и от чего он исходит, когда провозглашает веру в Бога "вредною глупостью". Чтобы победить, надо изучить противника; чтобы помочь больному, надо постигнуть его болезнь. И вот наша первая задача и состоит в том, чтобы постигнуть позицию безбожника лучше и вернее, чем он сам ее понимает: ибо он предается ей слепо, упорно, неистово, а мы ее не принимаем, но не принимая ее, мы должны ею владеть. Почему он отрицает Бога и веру в Него? Потому что в его опыте нет места для

Бога. Он воображает при этом, что его опыт единственно верный, здоровый, нормальный, образцовый, а мы утверждаем, что его опыт, наоборот, односторонний, скудный, урезанный, плоский, ошибочный; и что, следовательно отсутствие Бога в его опыте ничего не означает, кроме того, что опыт его скуден. И спор с ним возможен и будет победоносен именно на этой плоскости: мы скажем ему "что ищешь живого с мертвыми"? или - что ищешь духовного среди материальных вещей обнови свой акт и увидишь Бога, а пока пытаешься воспринять Его неверным актом, суждения твои о Нем будут глупы, жалки и Неприличны. Бог есть Дух и открывается только духовному опыту и внут- реннему, духовному оку. А вы, отрицатели Бога, отвергаете духов- ность человека, провозглашаете сенсуализм, т. е. исключительное торжество чувственного опыта, и материализм, т. е. исключительное бытие материи и тела. Уставившись на мир чувственно материальным глазом, вы, конечно, не находите Бога, как не нашли бы его при таких условиях и мы. Но вы не только сами ослепили свое око и оставили себе одни телесные глаза, но стремитесь выколоть духовное око и у нас; вы объявляете нам сначала осуждение и пренебрежение, а потом прямое гонение и смерть. И вызов ваш мы принимаем, а угроз ваших не пугаемся. Мы должны показать, что мы зрячие, и обличить вашу слепоту.

Бог есть любовь и открывается только живому, любящем сердцу. А вы, отрицатели Бога, презираете начало любви как проявление сентиментальности и рабства и провозглашаете классовую ненависть как единственно верный путь и кровавую, мстительную революцию как единственное спасение человечества. Уставившись на мир и на людей сердцем, полным страха, зависти и злобы, вы обращаетесь тем же самым актом к Богу и начинаете ненавидеть и поносить и Его как существо злобное и угнетающее, и стремитесь навязать те же чувства и то же воззрение и нам. А мы, в ответ, должны показать, в чем ваша ошибка и почему вы отрицаете Бога. Как это просто и ясно: Бог постигается духом и любовью, а потом, из духа и любви Он созерцается нечувственным воображением, совестью, волею и вдохновенной мыслью. Люди, лишённые духа и любви и не хотящие или не могущие жить ими, что могут сказать о Нем? Только то, что Его нет; что верить в Него не следует, что это глупо и вредно. Почему глупо? Потому что неосновательно и суеверно. Зачем верить в то, чего нет? Умно ли это? Люди без всякого основания верят в ложные слухи. Умно ли это? Нет, глупо. Люди от суеверия верят в то, что встретить похороны к добру, а встретить священника к несчастью. Это суеверно и глупо. Вот также глупо верить в Бога, если Его нет. А безбожники уверены, что Его нет: ибо, говорят они, мы Его не видим в мире внешних вещей значит, его нет, значит, верить в него глупо. А почему верить в Него вредно? Потому что, по мнению безбож- ников, люди верят от невежества и страха; верят от

страха и боятся от веры; и чем больше верят, тем больше боятся. А страх, да еще неосновательный страх, унижает человека, подрывает в нем веру в свои силы, подрывает его вдохновение и творчество и отдает его во власть того сословия духовенства, которое питает и поддерживает в нем эту трусость. Страх есть порождение рабства и источник нового порабощения. А неосновательный страх вызывает сверх того еще покорную пассивность и нелепую надежду на то, что несуществующего Бога можно умиловать, склонить на свою сторону и получить от него помощь. Поэтому вера вредна прогрессу и свободе. И вот, мы все должны осязательно и окончательно убедиться в этом что мы вышли в самый глубокий тыл противника, верно обозрели его основные позиции, научились говорить на его языке и думать его мыслями и, главное поняли его слабые места и его основные, фатальные для него ошибки. И вот, мы все должны осязательно и окончательно убедиться в этом. что мы вышли в самый глубокий тыл противника, верно обозрели его основные позиции, научились говорить на его языке и думать его мыслями и, главное поняли его слабые места и его основные, фатальные для него ошибки. Мы поняли, почему они не умеют верить в Бога и почему они утверждают, что эта вера глупа и вредна. Мы поняли, в чем состоит тот глубокий кризис, который вызвал к жизни современное безбожие. Цивилизованное человечество наших дней оскудело духом и любовью и ожесточилось. Причины этого процесса глубоки и сложны и заложены в веках; если свести их к единой формуле, то надо было бы сказать: торжество рассудка над вдохновением, расчета над сердцем, механического над органическим, внешнего опыта над внутренним опытом. Это торжество, это преобладание обнаружилось не только в светских кругах и умах, но и в религиозно-церковно-христианских. Внешние причины содействовали этому процессу: размножение и уплотнение народонаселения; революционный выход масс на поверхность жизни; технические открытия, создавшие новую промышленность; развитие капитала и связанная с ним новая и обостренная классовая дифференциация, образование промышленного пролетариата и крупных городов, население которых отрывается от природы и покоряется машинной жизни; распространение полуобразованности и демократизации государств; дразнящие, назойливые успехи материальной цивилизации и связанная с этим всеобщая жажда комфорта и наслаждений; и многое другое, чего я не могу здесь даже и перечислить. Все это вело и ведет к одному к оскудению человечества в духе и любви. Духовен человек постольку, 1) поскольку он живет внутренним опытом, а не только и не просто внешним, телесно-чувственно-материальным; 2) поскольку он умеет отличать нравящееся, приятное, дающее наслаждение от того, что на самом деле хорошо, объективно-прекрасно, истинно, нравственно, художественно, справедливо, совершенно,

божественно и 3) поскольку он, различая эти два ряда ценностей, умеет прилепляться к совершенному, предпочитать его, насаждать его, добиваться его, служить ему, беречь его и в случае надобности умирать за него. И вот, во всеобщей погоне за приятностями и удовольствиями, современное человечество растеряло это духовное измерение вещей и деяний; оно разлюбило духовность в жизни и вместе с тем разучилось любить, а научилось ожесточаться и ненавидеть. В наши дни большинство людей жаждет не духа, а наслаждений; трепещет не от несовершенства и близости к Нему, а от земных, чувственных сладострастий всех родов и видов, пресыщаясь ими и хладея ко всему иному. Но что еще замечательней и фатальней человечество наших дней выдвинуло соответствующие теории, учения, доктрины, оправдывающие и обосновывающие такую жизнь. Таковы учения: гедонизма, сводящего смысл жизни к наслаждениям, утилитаризма, успокаивающегося на пользе, экономического материализма, с его классовой борьбой и равным распределением земных благ и наслаждений и т. д. Но и это все могло бы быть не более, чем тягостным заблуждением, временным ослеплением: если бы, например, оказалось, что человечество ищет совершенного и только соблазнилось соблазном сладострастия, подобно Одиссею, который стремится на свою родину и временно застревает у нимфы Калипсо; или подобно паломнику, идущему в Иерусалим и соблазнившемуся в пути земными утехами. Мы не ригористы (2), не педанты и не изуверы. Человек есть человек и не может обойтись без человеческого. Страшно иное: страшно то, что люди наших дней не хотят ино что они ожесточились в отрицании духа и любви, что они создали воинствующий мировой центр, хотящий словом и примером, лукавством и преступлением, мукой, нищетой, страхом и кровью навязать всему человечеству уклад бездуховный и противоположный, навязать всем людям слепоту безбожия и ожесточенность в этой слепоте. И еще страшно то, что человечество видит эту затею и в большинстве своем безразлично молчит или предательски способствует этой затее. Вот где дно современного кризиса. Вот где раскрывается природа современного безбожия в его упоенной воинственности. И, видя это дно и эту воинственность, разумея всю опасность этого процесса и приветствуя разумом и волею, и сердцем всякую благородную попытку противостоять этому соблазну и остановить его победное шествие, мы должны, мы призваны внутренне подготовить себя к борьбе с этим безбожием, научиться побеждать его духом и любовью и в себе, и в других, и уразуметь его внутреннюю обреченность.

(1) Из стихотворения А. К. Толстого "Пантелей-целитель". (2) Ригоризм (от лат. *rigor* твердость) строгое следование какому-либо принципу в действии, поведении в мысли, исключаящее любые компромиссы.